

Стрессоустойчивость (resilience) в дискурсах Европейского союза и международных организаций¹

Е.Ю. Трещенков

Трещенков Евгений Юрьевич – к.и.н., доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; Российская Федерация, 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 8; E-mail: e.treschenkov@spbu.ru

В последние годы Европейский союз столкнулся с множественными внутренними и внешними вызовами. В концептуальном плане одним из ответов управленцев Евросоюза стала Глобальная стратегия внешней политики и безопасности (июнь 2016 г.). Ядром видения происходящего, а также перспектив выхода из кризиса стала концепция стрессоустойчивости (resilience). Понятие стрессоустойчивости имеет англосаксонское происхождение и появилось в дискурсе международных организаций давно, при этом интенсивность обращения к нему поступательно возрастает.

Цель предлагаемого исследования – выявить специфику присутствия стрессоустойчивости в дискурсах Евросоюза и международных организаций, а также взаимосвязей между ними. В исследование были включены организации, имеющие особое значение для европейского интеграционного проекта, а также глобального и регионального управления – Совет Европы, НАТО, ОБСЕ, ОЭСР и организации системы ООН (МВФ, Всемирный банк и т.д.). Поскольку источниковой базой исследования являются, прежде всего, документы международных организаций, в качестве методологической основы был выбран анализ дискурсов.

Проведенный анализ позволил взглянуть на понятие стрессоустойчивости, продвигаемое Брюсселем, более широко – в системе координат глобального и регионального управления, представленного западными многосторонними институтами. В исследовании были определены основные каналы и агенты проникновения понятия в дискурс Евросоюза и других международных организаций. Сделаны выводы относительно схожих черт и противоречий в артикуляции стрессоустойчивости. Отдельное внимание уделено взаимосвязи понятия с неолиберальным подходом к управлению рисками.

Ключевые слова: Европейский союз; ООН; стрессоустойчивость; неолиберализм; безопасность; управление; эксперты

Для цитирования: Трещенков Е.Ю. (2019) Стрессоустойчивость (resilience) в дискурсах Европейского союза и международных организаций // Вестник международных организаций. Т. 14. № 1. С. 55–75. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-04

¹ Статья поступила в редакцию в ноябре 2017 г.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01110).

While our feet are still wet from the wave of sustainability,
a new wave has come our way bearing the name of resilience.

J. Thomas [Thomas, 2016]

В последнее десятилетие Европейский союз столкнулся с большим количеством внутренних и внешних вызовов. В концептуальном плане одним из ответов стала Глобальная стратегия внешней политики и политики безопасности ЕС (июнь 2016 г.) [European Union, 2016]. Стратегия заменила предыдущий документ такого плана – Европейскую стратегию безопасности 2003 г. Ядром обновленного подхода к проблемам безопасности Союза был провозглашен концепт стрессоустойчивости (*resilience*). Это понятие не первый год присутствует в дискуссиях о глобальном управлении. Более того, интенсивность применения стрессоустойчивости к осмыслению соответствующей проблематики в системе ООН и в других организациях поступательно возрастает. Глобальное управление, в свою очередь, представляет деятельный интерес для Европейского союза [European Union, 2012]. Сама сущность Евросоюза как сообщества, сформировавшегося в результате многостороннего сотрудничества, подталкивает его к активной поддержке соответствующих подходов к решению международных проблем. Европейцы – одни из самых активных участников организаций системы ООН. На региональном уровне пространство европейской интеграции исторически включает в себя тесно связанные с Евросоюзом организации – Совет Европы, Североатлантический альянс, ОЭСР.

Цель данного исследования – выявить специфику присутствия понятия стрессоустойчивости, а также взаимосвязи между его трактовками и содержанием в дискурсах ЕС и международных организаций, значимых для европейского проекта. Артикуляция понятия стрессоустойчивости в дискурсах организаций, чьи подходы к проблематике глобального управления и развития схожи и зачастую дополняют друг друга, представляет интерес как кейс, который может способствовать не только пониманию европейского дискурса по теме, но и более общих тенденций – например, возрастающей роли стрессоустойчивости в дискурсе управления и безопасности совокупного Запада.

Исходя из поставленной цели был последовательно решен ряд задач, структурно соответствующих частям предлагаемой статьи. В первой части охарактеризованы существующие академические подходы к определению понятия стрессоустойчивости, его связи с проблематикой безопасности и управления рисками. Критическое обобщение существующих теоретических наработок позволило сформировать необходимые рамки для отбора и анализа соответствующих данных. Особое внимание в первой части уделено существующим обоснованиям принадлежности понятия к нелиберальному дискурсу [Павлова, 2017]. В следующей части работы рассмотрено содержание и контекст появления концепции стрессоустойчивости в дискурсе институтов Европейского союза. В заключительной части исследования проанализирована специфика присутствия понятия стрессоустойчивости в дискурсе международных организаций, таких как Совет Европы, НАТО, ОЭСР, ОБСЕ, и организаций системы ООН, включая взаимосвязи между их трактовками и подходом Евросоюза. Отдельно учитывается контекст пересечения их дискурсов с дискурсом ЕС.

Основным материалом для исследования послужили документы институтов Европейского союза, документы и материалы официальных сайтов Совета Европы, ОБСЕ, НАТО, ОЭСР и системы ООН. Концептуальные, основополагающие тексты (например, Конвенции Совета Европы) анализировались вне зависимости от наличия или отсутствия в них упоминания стрессоустойчивости. Остальные, при наличии такого упоминания, попадали в выборку (около 200 текстов).

Понятие стрессоустойчивости и рамки для анализа

Категория «стрессоустойчивость» пришла в социальные науки из экологии. Первоначально стрессоустойчивость предлагалось понимать как способность систем выдерживать колебания параметров в результате воздействия. Если система достаточно стрессоустойчива, результатом будет ее сохранение. В противном случае — исчезновение. Отмечалось принципиальное отличие стрессоустойчивости от стабильности, определяемой как способность системы возвращаться в состояние равновесия после временного потрясения. Как отмечал автор концепции К. Холлинг, система может обладать высокой стрессоустойчивостью, но низкой стабильностью, что особенно характерно для сложных систем [Holling, 1973, p. 17]. Вероятно, и Европейский союз может рассматриваться как пример такой системы.

Возможность в рамках одной концепции связать вместе систему, ее внутренние характеристики и воздействие внешних шоков способствовала дальнейшему распространению стрессоустойчивости в психологии, экономике и социальных науках. Вокруг проблематики стрессоустойчивости сформировались целые эпистемные сообщества (например, Resilience Alliance [Resilience Alliance, c. a.]). Со временем академический термин «стрессоустойчивость» превратился в понятие, используемое в сфере государственной политики. После окончания холодной войны мир не стал более предсказуемым. Исчезновение сдерживающего влияния биполярного противостояния вкупе с растущей взаимозависимостью спровоцировало новые кризисы и конфликты. В дискурсе глобального управления категория стрессоустойчивости дополнила терминологию устойчивого развития. В системе ООН заговорили о необходимости укреплять стрессоустойчивость развивающихся стран перед лицом кризисов, чтобы предотвратить утерю достигнутого ими с международной помощью прогресса.

Под воздействием крупных международных кризисов формировались новые ответвления использования термина. Мировой экономической кризис породил дискуссии об экономической стрессоустойчивости (Всемирный банк, ОЭСР, МВФ). Обострение проблемы международного терроризма способствовало использованию понятия в контексте идеологической и ценностной сплоченности либеральных демократий перед лицом террористической угрозы (НАТО). Все эти ипостаси в той или иной мере находили отражение и в официальном дискурсе Евросоюза. Интерес управленцев к стрессоустойчивости способствовал продолжению дискуссий о содержании этого понятия в академических кругах. Основываясь на результатах этих дискуссий, можно выделить несколько обстоятельств, потенциально представляющих интерес при анализе и сопоставлении дискурсов международных организаций.

Первое касается очевидной многогранности значений и артикуляции стрессоустойчивости. В разных контекстах и ситуациях она предстает в совершенно разном свете — и как термин, и как концепция, и даже как идеология [Anderson, 2015]. Ф. Брэнд и К. Джакс, проанализировав десятки академических публикаций, указали на существование как минимум десяти разных подходов к стрессоустойчивости. По их мнению, интерес к первоначально сугубо экологической концепции со стороны представителей других отраслей знания привел к размыванию ее значения и содержания. Из целостной содержательной концепции (descriptive concept) стрессоустойчивость превратилась в пограничное понятие (boundary object). Последнее, с одной стороны, облегчает коммуникацию между различными дисциплинами, а также способствует еще более активному проникновению термина в политическую практику. С другой стороны, при этом не формируется единого подхода к стрессоустойчивости. Создается видимость консен-

суса, однако на практике каждый придает понятию желаемое значение. Это сказывается и на перспективах научного развития концепции, и на ее прикладной эффективности. В этом смысле стрессоустойчивость повторяет путь, пройденный концепцией устойчивого развития [Brand, Jax, 2007].

Следующее обстоятельство заключается в очевидной связи стрессоустойчивости с дискурсом безопасности. Зачастую стрессоустойчивость рассматривается в контексте поиска адекватного ответа на взаимосвязанные и труднопредсказуемые вызовы — от кибератак до наводнений. При этом, как и в концепции «общества риска» У. Бека, смысл заключается в том, чтобы не столько устранять угрозы, сколько научиться жить с рисками. Согласно этой логике, риск — это не редкая чрезвычайная ситуация, а часть обыденной жизни [Brasset et al., 2013, p. 222–223].

Ряд исследователей связывает переход от традиционной политики безопасности к новым подходам в управлении рисками с феноменом нового управленчества (*new governmentality*). Согласно М. Фуко, его суть — в произошедшем изменении западных подходов к управлению через рационализацию восприятия управленцами сущности управления и взгляда на управляемых. В этом ключе стрессоустойчивость понимается как неолиберальная форма этого самого нового управленчества. При этом под либерализмом следует понимать не конкретную политическую идеологию или экономическую теорию, а именно «принцип и метод рационализации управления — рационализации, подчиняющейся внутренним правилам максимальной экономии» [Фуко, 2010, с. 406]. Традиционный подход заключался в борьбе государства с известными угрозами и врагами путем их устранения. Новый — в акценте на необходимости развивать внутренние качества социальных систем перед лицом неизбежных и непредсказуемых вызовов, тем самым рациональнее распоряжаясь доступными ресурсами. Государство вовлекает бизнес, общество, местные сообщества и индивидов в процесс управления рисками, сводя свою роль там, где это эффективнее, к координации совместных усилий. Ставка делается на формирование так называемых стрессоустойчивых субъектов (*resilient subject*) [Brasset et al., 2013, p. 223–224].

Вместе с тем отдельными представителями академического сообщества высказываются обоснованные сомнения относительно новизны концепта стрессоустойчивости. Так, например, неолиберальный дискурс и соответствующая политика существуют давно, при этом нет таких вещей, которые, ассоциируясь со стрессоустойчивостью, одновременно не имели бы прямого к нему отношения [Anderson, 2015, p. 63].

В результате сопоставления задач исследования с существующими академическими дебатами по категории стрессоустойчивости акцент при анализе текстов был сделан на нескольких параметрах, среди которых:

1. Авторство. Этот параметр позволяет проследить, например, кто в организации (политическое руководство, бюрократия или внешние эксперты) выступает ключевым агентом проникновения стрессоустойчивости в дискурс.

2. Контекст и сфера упоминания стрессоустойчивости (экономика, экология, безопасность и т.д.).

3. Понятия, упоминаемые в связке со стрессоустойчивостью (безопасность, устойчивое развитие, экономический рост, управление рисками и т.п.). Помимо прочего, этот параметр позволяет охарактеризовать соотношение стрессоустойчивости с уже существующей терминологией — используется ли она в качестве синонима, уточнения или замены «устаревших» понятий.

4. Наличие определения и попыток раскрытия содержания стрессоустойчивости. В узком смысле это позволяет говорить либо об использовании понятия в качестве «пограничного», либо о стремлении придать ему целостный и однозначный характер.

5. Наличие в тексте отсылок в связи со стрессоустойчивостью к другим международным организациям, позволяющих, например, проследить, какая организация является донором экспертного знания о стрессоустойчивости, а какая акцептором.

6. Наличие взаимосвязи между трактовкой стрессоустойчивости и неолиберальными практиками. Индикатором наличия такой взаимосвязи может послужить, например, упоминание стрессоустойчивости в контексте децентрализации и рационализации управления. О неолиберальном подходе либо его отсутствии свидетельствуют и рецепты достижения стрессоустойчивости, предлагаемые авторами того или иного текста.

Стессоустойчивость в дискурсе Европейского союза

Исследователи отмечают факты обращения институтов Евросоюза к термину «стрессоустойчивость» в экологической политике и экономике с 80-х годов прошлого века. Логичным представляется интерес к концепции со стороны специализированных агентств Евросоюза, в частности Европейского агентства по окружающей среде. В последнее десятилетие основной сферой упоминания стала поддержка подготовленности развивающихся стран к стихийным бедствиям и чрезвычайным ситуациям, осуществляемая силами Евросоюза, отдельных стран-доноров и организаций системы ООН. При этом стрессоустойчивость как понятие упоминалась лишь эпизодически, а ее содержание не раскрывалось [Романова, 2017].

Более активное проникновение понятия стрессоустойчивости в дискурс и политическую практику ЕС начинается в 2011 г. В этом году Европейская комиссия, вслед за ООН, заявила о необходимости сочетания гуманитарной помощи с политикой развития, с акцентом на формирование собственной стрессоустойчивости развивающихся стран перед лицом различного характера бедствий. Одним из первых объектов приложения нового подхода стала принятая в ноябре 2011 г. программа поддержки стран Африканского Рога, пострадавших от засухи [European commission, 2012a].

В Сообщении Европейской комиссии 2012 г. [European commission, 2012b] и Заключениях Совета ЕС 2013 г. был сформулирован подход Союза к стрессоустойчивости, в целом не выходящий за рамки дискурса ООН. Под стрессоустойчивостью предлагалось понимать «способность индивида, домохозяйства, сообщества, страны или региона подготовиться, противостоять, адаптироваться и быстро восстанавливаться от стрессов и шоков, не подрывая долгосрочные перспективы своего развития» [EU, 2013]. Отмечалось понимание Евросоюзом того, что необходимо устранять сами причины кризисов, обязательно увязывая действия на международном и региональном уровне с местными и национальными практиками. В апреле 2014 г. Генеральный директорат по развитию Европейской комиссии при поддержке Всемирного банка и Программы развития ООН подготовил целое руководство по стрессоустойчивости в сфере политики развития. В руководстве были обобщены различные программы и проекты Евросоюза, представляющие, по мнению авторов, примеры применения лучших практик формирования стрессоустойчивости (resilience good practice) [European commission, 2014]. Примечательно, что ранее подобные руководства по отдельным аспектам стрессоустойчивости публиковали ОЭСР и Всемирный банк.

Вместе с тем до принятия Стратегии 2016 г. употребление термина «стрессоустойчивость» ограничивалось отдельными специфическими сферами. Стратегия 2016 г. вывела стрессоустойчивость на уровень ключевого понятия, которое, с одной стороны, отражает ощущение сторонниками европейского проекта экзистенциального характера

вызовов, стоящих перед объединенной Европой, но с другой – и наличие у Брюсселя рецептов их преодоления. Точно выразила настроения многих в предисловии к Стратегии Высокий представитель Ф. Могерини: «...Назначение, даже существование нашего Союза оказалось под вопросом» [European Union, 2016]. В этом плане Стратегия – это, прежде всего, текст о стрессоустойчивости самого европейского интеграционного проекта. В этом заключается существенное отличие Евросоюза от других международных организаций. В сравнении с той же ООН ЕС не без определенных оснований воспринимается многими в Европе и за ее пределами как сообщество, связанное общими ценностями и практиками. Только на такой почве может идти речь о стрессоустойчивости в экзистенциальном смысле, а не как о некоей отстраненной категории в рамках интереса бывших метрополий к бывшим колониям.

Тем временем пока остальные составляющие дискуссий о стрессоустойчивости в Евросоюзе не свидетельствуют в пользу принципиальных изменений в восприятии отдельных угроз или способов их устранения. Укрепление стрессоустойчивости Евросоюза понимается авторами Стратегии через необходимость устранения дисбалансов управления внутри Союза в пользу еще большего внутреннего ценностного и нормативного единства, через способность ЕС автономно действовать на международной арене, продвигая принципы и ценности, лежащие в его основе, а также через содействие формированию стрессоустойчивых обществ, государств и экономик по периметру. Неизменными остались предлагаемые методы укрепления стрессоустойчивости третьих стран. Признавая необходимость учитывать разные национальные пути достижения стрессоустойчивости, авторы Стратегии тем не менее настаивают на распространении европейской модели как универсальной [European Union, 2016]. В этом плане стрессоустойчивость продолжает существовать в старом европоцентричном дискурсе, спровоцировавшем те кризисы, с которыми ЕС сталкивается в данный момент.

Что касается вопроса о наличии взаимосвязи между неолиберальным подходом и стрессоустойчивостью в дискурсе Евросоюза, то ответ будет скорее положительным, чем отрицательным. В большинстве проанализированных текстов укрепление стрессоустойчивости связывается и с призывом полагаться на ресурсы самих систем, и с необходимостью активного вовлечения акторов всех типов и уровней в процесс планирования и подготовки. Самым ярким примером является Стратегия кибербезопасности ЕС, авторы которой ожидают от частного сектора самостоятельной активности в обеспечении стрессоустойчивости критической инфраструктуры, а также взаимодействия с общественностью [European Commission, 2013].

Можно говорить и об относительной целостности наднационального дискурса ЕС по проблематике стрессоустойчивости. Институты Евросоюза чутко реагируют на высказанные друг другом позиции, по возможности трансформируя их в единый подход [European Parliament, 2017; EU, 2017]. Однако есть и нюансы. Так, например, Европейская комиссия, насколько можно судить из анализа ее документов, в большей степени находится под влиянием дискурсов по стрессоустойчивости Всемирного банка и программ ООН. Занимающаяся экспертным сопровождением работы Европарламента Исследовательская служба при подготовке аналитических материалов склонна делать акцент на методиках ОЭСР. Неслучайно в соответствующей резолюции Европейского парламента содержится рекомендация обратить внимание Комиссии и Совета на подходы ОЭСР как эффективные и практико-ориентированные [European Parliament, 2017]. Более того, некоторые материалы Исследовательской службы, где довольно глубоко прорабатываются связи между различными аспектами стрессоустойчивости и внешней политикой, были опубликованы еще до появления Стратегии Евросоюза, сделавшей эту категорию ключевой [Pawlak, 2015]. Очевидно, что указанные организа-

ции (ОЭСР, Всемирный банк) и связанные с ними эксперты обладают существенным влиянием на формирование подходов Евросоюза к проблематике глобального управления и к стрессоустойчивости как его элементу.

Взаимодействие Евросоюза и международных организаций

Для Евросоюза, в силу истории возникновения Сообществ и самой сущности объединения, многосторонняя дипломатия является одним из основополагающих принципов действия на международной арене. В Договоре о ЕС четко выражена идея активного участия в глобальном и региональном управлении и развитии с акцентом на продвижении в мире европейской модели [European Union, 2012]. В ряду международных организаций ключевое место отводится системе ООН, включающей, помимо прочего, и Международный валютный фонд, и Всемирную торговую организацию, и группу Всемирного банка. В пространство международных организаций, структурированное и углубленное взаимодействие с которыми важно для Евросоюза, также входят Совет Европы, ОБСЕ, ОЭСР и НАТО.

Совет Европы и НАТО исторически формируют базу европейской интеграции. Первый предстает в качестве широкого культурного и правового поля для европейской интеграции. Пересечение политических дискурсов Совета Европы и ЕС обеспечивается инкорпорированием европейских конвенций, а также решений Европейского суда по правам человека в право Евросоюза. Институты ЕС руководствуются стандартами Совета Европы и его отдельных подразделений (например, Европейской комиссии за демократию через право) в отношениях с третьими странами, ссылаются на них в официальных документах. Организация Североатлантического договора была тем зонтиком безопасности, под которым формировалась западноевропейская модель экономической интеграции. Несмотря на формирование европейцами собственной Общей оборонной политики с середины 90-х годов, ключевое место Североатлантического альянса в европейской безопасности регулярно подтверждается отдельными странами-членами и институтами Евросоюза. Дискурсы двух организаций по проблематике военной безопасности в Европе взаимосвязаны. Это обеспечивается, помимо прочего, экспертными и кадровыми пересечениями. Кроме того, необходимо помнить и о существовании определенного ценностного единства стран Запада.

Организация экономического сотрудничества и развития, в период с 1948 по 1961 г. известная как Организация европейского экономического сотрудничества, своей первоначальной задачей имела реализацию программ Плана Маршалла. Тем самым ОЭСР способствовала укреплению экономического фундамента европейской интеграции, а также выработке отдельных практик экономического управления и реформирования. На современном этапе организация представляет собой форум для обмена опытом проведения экономических реформ и управления социально-экономическими процессами. Институты ЕС обращаются к экспертизе ОЭСР, а программы двух организаций зачастую совпадают по духу и по продвигаемым подходам.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе была призвана стать площадкой для взаимодействия Запада и Востока на европейском континенте. Принципы международного сотрудничества, сформулированные в Заключительном акте СБСЕ, являются составной частью международного права. В связи с окончанием холодной войны на ОБСЕ возлагались большие надежды, однако полноценную систему общеевропейской безопасности на ее базе создать не удалось. Современный дискурс организации, как и ее политика, находится под большим влиянием западных подхо-

дов, за что ОБСЕ подвергается критике со стороны России и некоторых других стран. По своему месту среди бюрократии ОБСЕ, а также участию в дискуссиях и экспертизе Организации, Россия существенно уступает странам — членам ЕС. Вместе с тем именно к инструментарию ОБСЕ конфликтующие друг с другом Россия и Запад обратились в случае с украинским кризисом. Организация остается тем институтом, к представителям которого доверие России существенно выше, чем к тому же Североатлантическому альянсу. В официальных документах и России, и Евросоюза и его стран-членов, касающихся различных аспектов безопасности и сотрудничества в Европе, сохраняются отсылки к ОБСЕ и ее практикам.

Важно понимать, что комфорт взаимодействия ЕС с перечисленными международными институтами определяется, помимо прочего, тем фактом, что в современном глобальном управлении доминируют «западные» институты. Дискурсы Всемирного банка, Международного валютного фонда, программ ООН, Совета Европы, ОЭСР и ОБСЕ формировались при активном участии США и ключевых государств Западной Европы. По мере углубления европейской интеграции к такому участию присоединились наднациональные институты (прежде всего, Европейская комиссия). Глубина взаимосвязей между ЕС и указанными международными организациями зависит и от доли стран — членов Евросоюза в их составе (от половины до почти полного совпадения). При этом следует ожидать, что в структурах и организациях с существенным присутствием «незападных» стран (Россия, Китай и др.) перспективы проникновения стрессоустойчивости как англосаксонской концепции будут ограничены.

Стрессоустойчивость в дискурсе международных организаций

Появление и распространение понятия стрессоустойчивости в дискурсе международных организаций в первую очередь связано с взаимодействием их бюрократических аппаратов с экспертными сообществами в таких сферах, как экология и экономика. Очевидно, по такому пути шли ОЭСР и организации системы ООН, включая МВФ и Всемирный банк. Присутствие стрессоустойчивости в их дискурсе заметно, что подтверждается и многочисленными ссылками на них в соответствующих документах Европейского союза. Так, например, редкий документ институтов Евросоюза, затрагивающий стрессоустойчивость в контексте глобального управления и политики развития, не апеллирует к соответствующим инициативам ООН. Речь идет, прежде всего, о Целях устойчивого развития (Sustainable Development Goals), а также о Сендайской рамочной программе по снижению риска бедствий (Sendai Framework for Disaster Risk Reduction).

Как уже отмечалось, в *системе ООН* понятие стрессоустойчивости представлено в разнообразных ипостасях — от стрессоустойчивости перед лицом стихийных бедствий до экономической стрессоустойчивости. Как и следовало ожидать, менее всего концепция представлена в дискурсе политических структур, таких как Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности. Так, из всех резолюций Совета Безопасности за 2013—2017 гг. лишь в двух содержится упоминание стрессоустойчивости, без каких-либо пояснений и раскрытия ее сути. В 2014 г. речь идет о стрессоустойчивости местных сообществ (local community resilience) [UN Security Council, 2014], а в 2017 г. стрессоустойчивость употребляется в контексте противодействия международному терроризму [UN Security Council, 2017]. Существенно чаще, даже применительно к проблематике безопасности, употребляется традиционная категория «устойчивость» (sustainability).

В политических дискурсах многих стран — членов ООН, особенно не являющихся прямыми объектами программ, имеющих отношение к стрессоустойчивости, данная категория отсутствует. В одном только русскоязычном варианте резолюции Генераль-

ной Ассамблеи, посвященной целям глобального развития, *resilience* переводится и как «жизнестойкость» (городов, малоимущих), и как «стойкость» (инфраструктуры), и как «устойчивость» (сельскохозяйственных систем) [UN General Assembly, 2015].

Неслучайно наиболее восприимчивыми к проникновению понятия оказались организации и программы ООН, тесно связанные с англоязычной экспертизой в узкоспециальных сферах. Интенсивное проектное взаимодействие и кадровая ротация между экспертными сообществами и международной бюрократией способствуют проникновению академических исследований стрессоустойчивости в практическую повестку ООН. Речь идет, прежде всего, о Международной стратегии ООН по уменьшению последствий стихийных бедствий (UNISDR), о Программе развития ООН (UNDP), а также о группе Всемирного банка и Международном валютном фонде.

Одной из ключевых инициатив ООН, свидетельствующих о концептуальном характере присутствия стрессоустойчивости в дискурсе организации, являются Цели устойчивого развития. Стессоустойчивость упоминается в соответствующей резолюции Генеральной Ассамблеи около двух десятков раз в связи с инфраструктурой, урбанистикой, беженцами и стихийными бедствиями [Ibid.]. Вместе с тем по набору задач и подходов к их решению ее трудно охарактеризовать как некий принципиально новый взгляд на проблематику развития. Стессоустойчивость не заменяет концепцию устойчивого развития, а дополняет ее, несколько смещая акцент на необходимость более внимательной работы организаций системы ООН с внутренними ресурсами и возможностями объектов глобального управления. Как отмечает Генеральный секретарь ООН, вместе три взаимосвязанные опоры деятельности Организации Объединенных Наций (мир, устойчивое развитие и права человека) «составляют основу стрессоустойчивых и сплоченных обществ» [United Nations Secretary-General, 2016b].

Особое место в дискурсе ООН по стрессоустойчивости занимают группа Всемирного банка и Международный валютный фонд. Это связано как с тем, что в рамках этих структур предпринимаются попытки разработать инструментарий для измерения стрессоустойчивости, так и с их восприятием в мире в качестве элементов доминирования неолиберального подхода к решению глобальных и региональных проблем. Если мы говорим о неолиберальном подходе к управлению как практике рационализации, несомненно, он характерен как для МВФ и Всемирного банка, так и для большинства программ ООН. В этом дискурсе повсеместно признается, что индивиды, социальные группы, местные сообщества обладают внутренними ресурсами устойчивости перед лицом кризисов и вызовов. Так, Генеральный секретарь ООН, восхищаясь стрессоустойчивостью беженцев, приводит пример сирийского лагеря, где люди сами создали с нуля практически всю привычную им инфраструктуру – магазины, рестораны и даже галерею искусств и спортзал [United Nations Secretary-General, 2016a].

Президент Всемирного банка назвал укрепление стрессоустойчивости перед лицом глобальных шоков и угроз в числе трех основных приоритетов деятельности организации. Остальные два – ускорение устойчивого экономического роста и инвестиции в человеческий капитал [World Bank, 2016a]. Инвестиции в человеческий капитал призваны, помимо прочего, развивать внутренний потенциал и ресурсы индивидов, поскольку именно они первыми сталкиваются с последствиями стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций. Эксперты банка в своих исследованиях делают акцент на раскрытии содержания концепции стрессоустойчивости, а также способах ее измерения. Особое внимание экспертов привлекает разработка категории социально-экономической стрессоустойчивости. В соответствующих докладах содержится подробная методология и система индикаторов для ее измерения [World Bank, 2016b, p. 3]. Стессоустойчивость определяется как способность сообществ или общества адаптироваться

при столкновении с негативным воздействием. Эта способность достигается сопротивлением или изменением системы, направленным на поддержание приемлемого уровня ее функционирования и структуры. Особо отмечаются такие аспекты стрессоустойчивости, как способность системы к самоорганизации, обучению и адаптации [Prasad et al., 2009, p. 33]. Вслед за Холлингом эксперты Всемирного банка полагают, что большей стрессоустойчивостью обладают сложные и разнообразные системы. Ведь когда ресурсами или мощностями управляют разные группы интересов (государство, бизнес, местные сообщества), существует больше вариантов для апробации разных подходов и решений [Ibid., p. 34].

В дискурсе Международного валютного фонда понятие стрессоустойчивости встречается как минимум с 90-х годов XX в. При этом контекст упоминания термина остается неизменным – стрессоустойчивость экономик и финансовых систем перед лицом кризисов. Эксперты МВФ признают отсутствие единого шаблона для формирования стрессоустойчивости [IMF, 2015]. Однако само понятие упоминается в связке с традиционными для дискурса и политической практики МВФ категориями (структурные реформы, макроэкономическая стабилизация), сигнализирующими о продвижении тех самых универсальных рецептов и шаблонов. Также неоднозначным является и предполагаемый неолиберализм стрессоустойчивости. Анализ причин финансовых и валютных кризисов подталкивает МВФ к выводу о «безответственности участников рынка» и необходимости укрепления контролирующей роли национальных регуляторов и международных финансовых институтов [IMF, 2005]. В этом с МВФ едины и представители академических кругов, отмечая, что неолиберальные практики (например, приватизация критически значимой инфраструктуры) могут нести риски безопасности [Walker, Cooper, 2011, p. 153].

Несмотря на довольно позднее обращение *ОЭСР* к тематике стрессоустойчивости, ее подход можно охарактеризовать как один из наиболее системных и глубоких. Организация выпускает объемные руководства, призванные помочь экспертам и практикам на местах разработать инструментарий для измерения и интеграции стрессоустойчивости в их гуманитарные программы [OECD, 2014a]. Неслучайно методики *ОЭСР* привлекли внимание Исследовательской службы Европарламента, а рекомендации к их использованию были зафиксированы в одной из резолюций данного института ЕС. Одним из основных событий, способствовавших интересу организации к понятию стрессоустойчивости, стал мировой финансовый и экономический кризис 2008 г. и его последствия. В этом *ОЭСР* схожа, например, с Международным валютным фондом. При определении понятия стрессоустойчивости эксперты организации особый упор делают на способности не только сопротивляться неблагоприятному воздействию и восстанавливаться, но и, получая новый опыт, становиться сильнее. Для них «быть стрессоустойчивым» означает способность понимать источники рисков и возможностей, а также учиться жить в условиях неопределенности [OECD, 2014b].

Также в дискурсе *ОЭСР* доминирует представление о стрессоустойчивости как многоуровневом явлении. Для каждого уровня (индивид, местные сообщества, государственные институты, международная арена) характерны разные риски и разные способы управления ими [OECD, 2013]. Анализировать и измерять стрессоустойчивость предлагается в четырех взаимосвязанных измерениях – экономическом, социальном, институциональном и экологическом [OECD, 2014b].

Внимание экспертов *ОЭСР* приковано преимущественно к проблеме стрессоустойчивости развивающихся стран. Она воспринимается как гарантия того, что вложенная в них международная помощь не пропадет даром в результате коллапса экономики или государственности. Противоположным стрессоустойчивости понятием

предлагается считать «хрупкость» (fragility) государства. В последнем случае первоочередной задачей международного сообщества становится помощь в восстановлении государственности, а именно эффективного «контракта» между государством и обществом [OECD, 2008].

В ОЭСР также попытались ответить на вопрос о том, что нового дает понятие стрессоустойчивости для управления рисками. По мнению экспертов, анализ стрессоустойчивости систем не заменяет традиционные подходы к управлению рисками, а основывается на них и дополняет. В частности, такой анализ фокусируется не на самом риске, а на системе, на изучении опыта ее функционирования в прошлом, на анализе тенденций с учетом неопределенности и постоянного изменения рисков [OECD, 2014a]. Призыв уделять особое внимание сбору данных, разработке методик их анализа и выявлению и прогнозированию на основе такого анализа возможных рисков сближает ОЭСР со Всемирным банком и Международным валютным фондом, а вслед за ними и с Евросоюзом. В последнее время в этом контексте все чаще упоминается концепция Big Data [World Bank, 2015].

Для дискурсов *Совета Европы* и *ОБСЕ* стрессоустойчивость не является ключевой категорией и присутствует в основном там, где программы и интересы этих организаций соприкасаются с инициативами системы ООН. Каналами проникновения стрессоустойчивости из дискурса системы ООН в повестку ОБСЕ и Совета Европы выступают различные совместные конференции и мероприятия организаций, а акторами – заинтересованные эксперты (например, эксперты Швейцарского агентства развития и сотрудничества, входящего в систему МИД страны). На данном этапе Совету Европы и ОБСЕ нечего предложить Евросоюзу в плане экспертного знания о стрессоустойчивости, поскольку они сами являются акцепторами этого знания (табл. 1).

Локализация понятия стрессоустойчивости на уровне перемещающихся между многосторонними институтами англоязычных экспертов объясняется, помимо прочего, отсутствием данной категории в дискурсе значительного количества стран – членов Совета Европы и ОБСЕ. Ярким примером является доклад интернационального коллектива авторов (включая представителя России), подготовленный под эгидой ОБСЕ в 2015 г. и содержащий предложения относительно выхода из кризиса в отношениях Россия – Запад. В тексте доклада применительно к проблематике безопасности используется термин «устойчивый», в то время как в анонсе доклада, подготовленном секретариатом ОБСЕ, говорится именно о «стрессоустойчивости» европейской безопасности [OSCE, 2015].

Относительная молодость и неоднозначность трактовки понятия препятствует его использованию и в конвенциях Совета Европы – даже в тех, тематика которых предполагает такое использование (например, по сохранению городских ландшафтов). Ни в одной конвенции и протоколе к ним, включая принятые за последние десять лет, не встречается понятия стрессоустойчивости [Council of Europe, с. а.]. Свой вклад в неспособность неоднозначных терминов прижиться в дискурсах этих организаций вносят и существующие противоречия между их отдельными членами. Как известно, обе организации, помимо стран – членов ЕС, включают Россию и ряд государств постсоветского пространства.

Особняком стоит *Организация Североатлантического договора*. Понятие стрессоустойчивости в дискурсе НАТО присутствует с 90-х годов, однако его употребление было нерегулярным и лишенным серьезной концептуальной нагрузки. К нему обращалось преимущественно политическое руководство Альянса (генеральные секретари Дж. Робертсон и Х. Солана), характеризуя общую способность НАТО адаптироваться к изменившимся условиям и новым вызовам безопасности [Solana, 1997]. В дальней-

Таблица 1. Стрессоустойчивость в дискурсах международных организаций. Обобщение результатов анализа текстов

Организация	Ключевые документы по стрессоустойчивости	Ключевые акторы в дискурсе стрессоустойчивости	Сферы наиболее активного упоминания	Доминирующие подходы к стрессоустойчивости	Взаимосвязь с неолиберальным подходом к управлению	Влияние экспертного сообщества на дискурс организации по тематике стрессоустойчивости	Ссылки на другие организации в связи со стрессоустойчивостью
Евросоюз	Заключения Совета о подходе ЕС к стрессоустойчивости, 28 мая 2013 г.; Глобальная стратегия внешней политики и безопасности ЕС, 28 июня 2016 г.; Резолюция Европарламента о стрессоустойчивости как стратегическом приоритете внешней активности ЕС, 1 июня 2017 г.	Европейская комиссия; Европейская служба внешнего действия; эксперты	Международная мощь развития; безопасность; стрессоустойчивость европейской системы норм и ценностей; преодоление последствий стихийных бедствий	Пограничное понятие (boundary object)	Есть, но неоднозначна	Высокое	ООН (в том числе Всемирный банк), реже – ОЭСР, НАТО
Система ООН	Сендэйская рамочная программа по снижению риска бедствий; Цели устойчивого развития; Парижское соглашение по климату 2015 г.; доклады экспертов Всемирного банка и МВФ	Программа развития ООН; Управление Организации Объединенных Наций по вопросам уменьшения опасности бедствий; Всемирный банк; Международный валютный фонд; эксперты	Международная помощь развитию; преодоление последствий стихийных бедствий; социально-экономическое развитие	Социально-экологическая стрессоустойчивость; экономическая стрессоустойчивость; финансовая стрессоустойчивость; социально-экономическая стрессоустойчивость	Есть, но неоднозначна	Определяющее	Ссылки на другие организации практически отсутствуют

Организация	Ключевые документы по стрессоустойчивости	Ключевые акторы в дискурсе стрессоустойчивости	Сферы наиболее активного упоминания	Доминирующие подходы к стрессоустойчивости	Взаимосвязь с неолиберальным подходом к управлению	Влияние экспертного сообщества на дискурс организации по тематике стрессоустойчивости	Ссылки на другие организации в связи со стрессоустойчивостью
ОЭСР	Экспертные доклады и руководства	Секретариат и эксперты	Международная помощь развитию устойчивое развитие городов; социально-экономические основы государственности	Социально-экологическая стрессоустойчивость; экономическая стрессоустойчивость; стрессоустойчивые города	Есть	Определяющее	ООН
НАТО	Обязательства по укреплению стрессоустойчивости, 8 июля 2016 г.	Секретариат	Кибербезопасность; гражданские ресурсы обороны; способность Альянса; сплоченность Альянса	Пограничное понятие (boundary object)	Есть, но неоднозначна	Трудно оценить	В равной степени – ООН и ЕС
Совет Европы	–	Секретариат, эксперты из других организаций	Займствованы из системы ООН	–	–	–	ООН и ЕС
ОБСЕ	–	Секретариат, эксперты из других организаций	Займствованы из системы ООН	–	–	–	ООН, реже – ЕС

шем этот акцент на стрессоустойчивости как внутренней характеристике НАТО сохранится. С актуализацией проблемы международного терроризма стрессоустойчивость неоднократно использовалась в контексте единства Трансатлантического сообщества ценностей перед лицом этой угрозы. В дальнейшем такое сугубо внутреннее понимание стрессоустойчивости можно будет встретить в Стратегии Евросоюза 2016 г., а также в контексте восприятия НАТО политики России в регионе как угрозы [НАТО, 2014].

Превращение стрессоустойчивости в дискурсе НАТО из ситуативно используемого понятия в некий более или менее целостный концепт состоялось к 2016 г. В 2016–2017 гг. стрессоустойчивость упоминалась в официальных текстах НАТО чаще, чем за весь предыдущий период с начала 90-х годов, что неслучайно совпало с актуализацией понятия в дискурсе Евросоюза. В заявлении глав государств и правительств, принятом по итогам саммита НАТО в Варшаве (июль 2016 г.), она впервые становится основным сюжетом. Очевидно, что для НАТО актуализация понятия была связана с осознанием уязвимости Европы перед лицом так называемых гибридных угроз. Последние определяются как «использование асимметричных тактик, призванных нащупать и использовать слабости противника с применением невоенных средств (политических, информационных, экономических) и сопровождаемых угрозой применения обычных вооружений и средств массового поражения» [НАТО, 2015]. После международного терроризма в качестве основного источника таких угроз, вне всякого сомнения, стала все чаще фигурировать Россия. Последнее, очевидно, является еще одной точкой пересечения дискурсов НАТО и ЕС по стрессоустойчивости. В совместном заявлении руководств ЕС и НАТО от 8 июля 2016 г. говорится о том, что евро-атлантическое сообщество сталкивается с беспрецедентными вызовами, исходящими с Юга и Востока [ЕС, 2016]. Как более откровенно отмечали в самом Альянсе, «необходимо учитывать и решать потенциальные уязвимости, которые могут возникать в результате проникновения России в экономику, финансовую сферу, СМИ или энергетику Европы» [Shea, 2016].

Вместе с тем актуализация присутствия понятия стрессоустойчивости в дискурсе НАТО не сопровождалась принципиальным изменением взгляда на внутренние ресурсы и параметры организации. Стрессоустойчивость была вписана сотрудниками гражданского и военного штатов в существующую систему понятий стратегического планирования. Подчеркивалось, что необходимость укрепления стрессоустойчивости НАТО проистекает из положений Североатлантического договора (ст. 3 и 5). Сама стрессоустойчивость была определена как «совокупность гражданской подготовленности и военного потенциала» [НАТО, с. а.] НАТО, а комплекс мероприятий по ее укреплению опирался на уже имеющиеся программы и инструменты.

* * *

Дискуссии о стрессоустойчивости в рамках различных международных организаций и форумов роднит представление о том, что современные вызовы международному развитию и безопасности характеризуются не только комплексностью и взаимосвязанностью, но и высокой степенью непредсказуемости. Как отмечает Б. Андерсон [Anderson, 2015, р. 63], стрессоустойчивость можно рассматривать как способ управления незащищенностью в условиях современного мира катастроф. Проникновение стрессоустойчивости в дискурсы международных организаций является и отражением растерянности перед лицом регулярных и трудно предсказуемых кризисов, и попыткой придать и управляемым больше уверенности в возможности успешного их преодоления.

Тем не менее для дискурсов международных организаций характерно отсутствие должного внимания к тому факту, что современные риски не возникают ниоткуда, а производятся самими системами. Они представляют собой неизбежную составляю-

щую рационально принимаемых решений, что снова отсылает нас к неолиберальным практикам. Как замечает Н. Луман, «...о риске говорят только в тех случаях, когда может быть принято решение, без которого не возникло бы ущерба» [Луман, 1994]. В этом ключе выявление рисков дестабилизации европейского интеграционного проекта неотъемлемо от анализа принимаемых на всех уровнях европейской модели управления решений, то есть от самой политики Евросоюза. Аналогично и решения, принимаемые национальными правительствами под влиянием, например, рекомендаций МВФ, неизбежно сопровождаются соответствующими рисками для их социально-экономических, финансовых и политических систем.

Общим местом для всех проанализированных в исследовании организаций является взаимосвязь трактовок стрессоустойчивости и неолиберального подхода к управлению (табл. 1). Рационализация взгляда на возможности и ресурсы систем характерна и для сферы жесткой безопасности, и для политики развития. В документах НАТО подробно раскрывается содержание гражданских ресурсов стрессоустойчивости Альянса (civil capabilities), а в дискурсе Всемирного банка – ресурсов и параметров социально-экономической стрессоустойчивости развивающихся стран. Вместе с тем степень предлагаемой самостоятельности подопечных в укреплении их стрессоустойчивости сильно отличается в зависимости от оценки их способностей, а также от политической культуры и сферы деятельности организации. Чем ближе сфера деятельности организации к так называемой высокой политике (high politics), тем меньше автономия, предлагаемая «частному сектору» (яркий пример – НАТО). Аналогично и с оценкой способностей управляемых. Если речь идет о стрессоустойчивости общества страны – члена Евросоюза, допускается высокий уровень самостоятельности. В случае с развивающимися странами речь идет о направляющей роли донора помощи при формировании стрессоустойчивости.

Степень новизны концепта стрессоустойчивости также в большинстве случаев может быть оценена как невысокая. Всеми организациями с разной степенью успешности она вписывается в существующий дискурс, не вычеркивая из него, а дополняя другие категории – устойчивое развитие, безопасность, управление рисками (табл. 2).

Таблица 2. Понятия, в связке с которыми чаще всего упоминается resilience

SECURITY						
RISKS		Terrorist attack	Climate Change	DISASTERS		CRISIS
VULNERABILITY					Fragility	
RISK MANAGEMENT		Awareness	Preparedness	Prevention		Defence
System	Capabilities	Capacity	Infrastructure	Institutions	Society	
Понятия, касающиеся отдельных качеств и свойств систем: Solidarity, Effectiveness, Coherence, Flexibility, Innovation, Connectivity, Cohesion, Complementarity, Resourcefulness, Inclusiveness, Integration, Dynamism, Smart, Renewable						
SUSTAINABILITY		SUSTAINABLE DEVELOPMENT, DEVELOPMENT		Adaptation	Economic growth	Stability

Примечание. Данные обобщены по всем организациям. Ключевые понятия оформлены прописными буквами.

Источник: составлено по расчетам автора.

Наиболее глубоко стрессоустойчивость проработана в организациях, чья деятельность напрямую связана с экспертизой, разработкой методик и инструментария для глобального и регионального управления. Речь идет, например, о Всемирном банке и ОЭСР. Эксперты этих структур предпринимая очевидные попытки уйти от неоднозначности понимания стрессоустойчивости, тогда как для Евросоюза она является пока, скорее, общим подходом и «пограничным понятием», обеспечивающим коммуникацию между различными сферами политики ЕС. Такому подходу свойственны свои уязвимые места — например, видимость консенсуса при сохраняющихся существенных различиях в артикуляции.

Насколько можно судить, активизация использования терминологии стрессоустойчивости в дискурсах ведущих международных организаций происходит без участия России. Отчасти это связано с англосаксонским происхождением понятия. Другая важная причина — существующие нормативные и идеологические противоречия между Западом, с одной стороны, и Россией и рядом стран — с другой. Они говорят на разных языках, что оказывает влияние на степень взаимного проникновения дискурсов. В результате конфликта по линии Россия — Запад были заморожены переговоры о членстве РФ в ОЭСР — одной из ключевых организаций с точки зрения степени проработанности экспертного дискурса по стрессоустойчивости. Более того, в дискуссиях Европейского союза и НАТО концепция стрессоустойчивости прямо связана с дискуссиями о политике России как угрозе для европейской безопасности. Этим обстоятельством, а также тем фактом, что для Евросоюза и Североатлантического альянса стрессоустойчивость является внутренней характеристикой их сплоченности, дискурс условного евро-атлантического сообщества отличается от других рассмотренных международных организаций.

Источники

Луман Н. (1994) Понятие риска // Thesis. Вып. 5. С. 135–160.

Павлова Е.Б., Гудалов Н.Н., Коцур Г.В. (2017) «Стрессоустойчивость»: новое слово в международных отношениях или вариация на неолиберальную тему? // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. № 2. С. 170–182.

Романова Т.А. (2017) Категория «Стрессоустойчивость» в Европейском Союзе // Современная Европа. № 4. С. 17–28.

Фуко М. (2010) Рождение биополитики. СПб.: Наука.

Anderson B. (2015) What Kind of Resilience? // Politics. Vol. 35. No. 1. P. 60–66.

Brand F.S., Jax K. (2007) Focusing the Meaning(s) of Resilience: Resilience as a Descriptive Concept and a Boundary Object // Ecology and Society. Vol. 12. No. 1. Режим доступа: <http://www.ecologyandsociety.org/vol12/iss1/art23/> (дата обращения: 25.10.2017).

Brassett J., Croft S., Vaughan-Williams N. (2013) Introduction: An Agenda for Resilience Research in Politics and International Relations // Politics. Vol. 33. No. 4. P. 222–223.

Council of Europe (с. а.) Complete list of the Council of Europe's treaties. Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list> (дата обращения: 25.10.2017).

Council of the European Union (EU) (2013) Council Conclusions on EU Approach to Resilience. Brussels. 28 May. Режим доступа: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/137319.pdf (дата обращения: 25.10.2017).

Council of the European Union (EU) (2017) EU Engagement with Civil Society in External Relations: Council Conclusions. Brussels. 19 June. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/media/24003/st10279en17-conclusions-eu-engagement-with-civil-society-in-external-relations.pdf> (дата обращения: 25.10.2017).

European Commission (EC) (2012a) SHARE: Supporting Horn of Africa Resilience. Commission Staff Working Document SWD (2012) 102 Final. Brussels. 4 November.

European Commission (EC) (2012b) The EU Approach to Resilience: Learning from Food Security Crises. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council COM (2012) 586 Final. Brussels. 3 October.

European Commission (EC) (2013) Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. JOIN (2013) 1 Final. Brussels. 2 July.

European Commission (EC) (2014) EU Resilience Compendium: Saving Lives and Livelihoods. Режим доступа: http://ec.europa.eu/echo/files/policies/resilience/eu_resilience_compendium_en.pdf (дата обращения: 25.10.2017).

European Commission (EC) (2016) Joint Declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. Brussels. 8 July. Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-16-2459_en.htm (дата обращения: 25.10.2017).

European Parliament (2017) Resilience as a Strategic Priority of the External Action of the EU. Resolution 2017/2594(RSP). Brussels. 1 June. Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0242+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения: 25.10.2017).

European Union (EU) (2012) Consolidated Version of the Treaty on European Union. Official Journal of the European Union. 26 October.

European Union (EU) (2016) Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Режим доступа: <https://europa.eu/globalstrategy/en/shared-vision-common-action-stronger-europe> (дата обращения: 25.10.2017).

Holling C.S. (1973) Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. Vol. 4. P. 1–23.

International Monetary Fund (IMF) (2005) Remarks by Agustín Carstens, IMF Deputy Managing Director, at the VIII Annual Assembly of Supervisors of Banks of the Americas. 9 September. Режим доступа: <http://www.imf.org/en/news/articles/2015/09/28/04/53/sp090905> (дата обращения: 25.10.2017).

International Monetary Fund (IMF) (2015) IMF Survey: Inclusion, Governance, Fiscal Space Can Help Overcome Fragility. Режим доступа: <http://www.imf.org/en/news/articles/2015/09/28/04/53/sopol070115a> (дата обращения: 25.10.2017).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2014) Summit Declaration. Wales. 5 September. Режим доступа: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 25.10.2017).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2015) Hybrid Warfare: NATO's New Strategic Challenge? Defence and Security Committee General Report DSC 2015. 10 October. Режим доступа: <https://www.nato-pa.int/sites/default/files/documents/2015%20-%2016%20DSC%2015%20E%20BIS%20-%20HYBRID%20WARFARE%20-%20CALHA%20REPORT.docx> (дата обращения: 25.10.2017).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (n.d.) Civil Preparedness. Режим доступа: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49158.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 25.10.2017).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2008) Concepts and Dilemmas of State Building in Fragile Situations: From Fragility to Resilience. OECD/DAC Discussion Paper. Режим доступа: <https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/41100930.pdf> (дата обращения: 25.10.2017).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2013) What Does “Resilience” Mean for Donors? An OECD Factsheet. Режим доступа: <http://www.oecd.org/dac/May%2010%202013%20FINAL%20resilience%20PDF.pdf> (дата обращения: 25.10.2017).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2014a) Guidelines for Resilience Systems Analysis. Strasbourg: OECD Publishing.

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2014b) Overview Paper on Resilient Economies and Societies. Meeting of the OECD Council at Ministerial Level. Paris. 6–7 May. Режим доступа: [https://www.oecd.org/mcm/C-MIN\(2014\)7-ENG.pdf](https://www.oecd.org/mcm/C-MIN(2014)7-ENG.pdf) (дата обращения: 25.10.2017).

Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE) (2015) Back to Diplomacy: Final Report and Recommendations of the Panel of Eminent Persons on European Security as a Common Project. Режим доступа: <http://www.osce.org/networks/205846> (дата обращения: 25.10.2017).

Pawlak P. (2015) Risk and Resilience in Foreign Policy. European Parliamentary Research Service Briefing PE 568.349. Режим доступа: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/568349/EPRS_BRI\(2015\)568349_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/568349/EPRS_BRI(2015)568349_EN.pdf) (дата обращения: 25.10.2017).

Prasad N., Ranghieri F., Shah F., Trohanis Z., Kessler E., Sinha R. (2009) Climate Resilient Cities: A Primer on Reducing Vulnerabilities to Disasters. Washington, DC: World Bank.

Resilience Alliance (с. а.) Background. Режим доступа: <https://www.resalliance.org/background> (дата обращения: 25.10.2017).

Shea J. (2016) Resilience: A Core Element of Collective Defence. 2016 NATO Review. Режим доступа: <http://www.nato.int/docu/review/2016/Also-in-2016/nato-defence-cyber-resilience/EN/index.htm> (дата обращения: 25.10.2017).

Solana H. (1997) Security Through NATO in the 21st Century: Vision to Reality. Opening Remarks. 9 October. Режим доступа: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_25565.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 25.10.2017).

Thomas J. (2016) Resilience: More Than a Quick Fix. Investing in Health: News and Views in Healthy Development World Bank Blog. Режим доступа: <http://blogs.worldbank.org/health/resilience-more-quick-fix> (дата обращения: 25.10.2017).

United Nations (UN) General Assembly (2015) Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. General Assembly Resolution A/RES/70/1. Режим доступа: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (дата обращения: 25.10.2017).

United Nations (UN) Secretary-General (2016a) Secretary-General's Joint Press Encounter with the High Commissioner for Refugees. 30 March. Режим доступа: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/press-encounter/2016-03-30/secretary-generals-joint-press-encounter-high-commissioner> (дата обращения: 25.10.2017).

United Nations (UN) Secretary-General (2016b) Secretary-General's Message on Human Rights Day. 10 December. Режим доступа: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2016-12-10/secretary-generals-message-human-rights-day-scroll-down-french> (дата обращения: 25.10.2017).

United Nations (UN) Security Council (2014) The Maintenance of International Peace and Security: Security Sector Reform: Challenges and Opportunities. Security Council Resolution S/RES/2151.

United Nations (UN) Security Council (2017) Threats to International Peace and Security Caused by Terrorist Acts. Security Council Resolution S/RES/2341.

Walker J., Cooper M. (2011) Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation // Security Dialogue. Vol. 4. No. 2. P. 143–160.

World Bank (2015) Big Data for a More Resilient Future. Режим доступа: <http://live.worldbank.org/big-data-for-a-more-resilient-future> (дата обращения: 25.10.2017).

World Bank (2016a) Speech by World Bank President Jim Yong Kim: The World Bank Group's Mission: To End Extreme Poverty. 3 October. Режим доступа: <http://www.worldbank.org/en/news/speech/2016/10/03/speech-by-world-bank-president-jim-yong-kim-the-world-bank-groups-mission-to-end-extreme-poverty> (дата обращения: 25.10.2017).

World Bank (2016b) Socioeconomic Resilience Multi-Hazard Estimates in 117 Countries. World Bank Policy Research Working Paper 7886.

Resilience in Discourses of the European Union and International Organizations¹

E. Treshchenkov

Evgeny Treshchenkov – PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University; Entrance VIII, 1/3 Smolnogo Str., St Petersburg, 191060, Russian Federation; E-mail: e.treshchenkov@spbu.ru

Abstract

Lately, the European Union (EU) has faced multiple internal and external challenges. The conceptual response of EU institutions was “A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy” (June 2016). At the core of the understanding of what was happening, as well as of the prospects of overcoming those crises, sat the concept of “resilience.” It has been some time since this concept appeared in the discourses of international organizations and its meaning remains volatile, situational and dependent on the scope of application, the relevant context and the authorship.

The purpose of this study is to examine the specificity of use of the concept of resilience in the discourses of the EU and various international organizations, as well as the interrelation between those uses. The sample encompasses organizations of particular importance to the European integration project and to global and regional governance, including the Council of Europe, the North Atlantic Treaty Organization (NATO), the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE), the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) and those which comprise the United Nations system (the International Monetary Fund (IMF), the World Bank, etc.). Since the empirical material consists mostly of official texts produced by international organizations, the preferred method of study is discourse analysis.

The analysis examines the Brussels-advanced notion of resilience from a more distant perspective, namely, within the coordinate system of global and regional governance represented by Western-dominated multilateral institutions. The study identifies channels and agents responsible for the concept’s penetration into the discourses of the EU and other international organizations. Conclusions are drawn regarding similarities and divergences in the articulations of resilience. Particular focus is put on the interrelation between the concept and the neo-liberal approach to risk management and security.

Key words: European Union; United Nations; resilience; neo-liberalism; security; governance; experts

For citation: Treshchenkov E. (2019) Resilience in Discourses of the European Union and International Organizations. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 1, pp. 55–75 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-04

References

Anderson B. (2015) What Kind of Resilience? *Politics*, vol. 35, no 1, pp. 60–66.

Brand F.S., Jax K. (2007) Focusing the Meaning(s) of Resilience: Resilience as a Descriptive Concept and a Boundary Object. *Ecology and Society*, vol. 12, no 1. Available at: <http://www.ecologyandsociety.org/vol12/iss1/art23/> (accessed 25 October 2017).

Brassett J., Croft S., Vaughan-Williams N. (2013) Introduction: An Agenda for Resilience Research in Politics and International Relations. *Politics*, vol. 33, no 4, pp. 222–223.

Council of the European Union (EU) (2013) Council Conclusions on EU Approach to Resilience. Brussels, 28 May. Available at: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/137319.pdf (accessed 25 October 2017).

¹ The editorial board received the article in November 2017.

The study was made possible by a grant from the Russian Science Foundation (project No 17-18-01110).

Council of the European Union (EU) (2017) EU Engagement with Civil Society in External Relations: Council Conclusions. Brussels, 19 June. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/24003/st10279en17-conclusions-eu-engagement-with-civil-society-in-external-relations.pdf> (accessed 20 December 2018).

European Commission (EC) (2012a) SHARE: Supporting Horn of Africa Resilience. Commission Staff Working Document SWD (2012) 102 Final. Brussels, 4 November.

European Commission (EC) (2012b) The EU Approach to Resilience: Learning From Food Security Crises. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council COM (2012) 586 Final. Brussels, 3 October.

European Commission (EC) (2013) Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. JOIN (2013) 1 Final. Brussels, 2 July.

European Commission (EC) (2014) EU Resilience Compendium: Saving Lives and Livelihoods. Available at: http://ec.europa.eu/echo/files/policies/resilience/eu_resilience_compendium_en.pdf (accessed 25 October 2017).

European Commission (EC) (2016) Joint Declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. Brussels, 8 July. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-16-2459_en.htm (accessed 25 October 2017).

European Parliament (2017) Resilience as a Strategic Priority of the External Action of the EU. Resolution 2017/2594(RSP). Brussels, 1 June. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0242+0+DOC+XML+V0//EN> (accessed 25 October 2017).

European Union (EU) (2012) Consolidated Version of the Treaty on European Union. Official Journal of the European Union. 26 October.

European Union (EU) (2016) Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Available at: <https://europa.eu/globalstrategy/en/shared-vision-common-action-stronger-europe> (accessed 25 October 2017).

Foucault M. (2008) The Birth of Biopolitics. New York: Palgrave Macmillan.

Holling C.S. (1973) Resilience and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*, vol. 4, pp. 1–23.

International Monetary Fund (IMF) (2005) Remarks by Agustín Carstens, IMF Deputy Managing Director, at the VIII Annual Assembly of Supervisors of Banks of the Americas, 9 September. Available at: <http://www.imf.org/en/news/articles/2015/09/28/04/53/sp090905> (accessed 25 October 2017).

International Monetary Fund (IMF) (2015) IMF Survey: Inclusion, Governance, Fiscal Space Can Help Overcome Fragility. Available at: <http://www.imf.org/en/news/articles/2015/09/28/04/53/sopol070115a> (accessed 25 October 2017).

Luhmann N. (1994) Ponjatje riska [The Notion of Risk]. *Thesis*, vol. 5, pp. 135–160. (In Russian)

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2014) Summit Declaration. Wales, 5 September. Available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=en (accessed 25 October 2017).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2015) Hybrid Warfare: NATO's New Strategic Challenge? Defence and Security Committee General Report DSC 2015, 10 October. Available at: <https://www.nato-pa.int/sites/default/files/documents/2015%20-%20166%20DSC%2015%20E%20BIS%20-%20HYBRID%20WARFARE%20-%20CALHA%20REPORT.docx> (accessed 25 October 2017).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (c. a.) Civil Preparedness. Available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49158.htm?selectedLocale=en (accessed 25 October 2017).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2008) Concepts and Dilemmas of State Building in Fragile Situations: From Fragility to Resilience. OECD/DAC Discussion Paper. Available at: <http://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/41100930.pdf> (accessed 25 October 2017).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2013) What Does “Resilience” Mean for Donors? An OECD Factsheet. Available at: <http://www.oecd.org/dac/May%2010%202013%20FINAL%20resilience%20PDF.pdf> (accessed 25 October 2017).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2014a) Guidelines for Resilience Systems Analysis. Strasbourg: OECD Publishing.

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2014b) Overview Paper on Resilient Economies and Societies. Meeting of the OECD Council at Ministerial Level. Paris, 6–7 May. Available at: [https://www.oecd.org/mcm/C-MIN\(2014\)7-ENG.pdf](https://www.oecd.org/mcm/C-MIN(2014)7-ENG.pdf) (accessed 25 October 2017).

Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE) (2015) Back to Diplomacy: Final Report and Recommendations of the Panel of Eminent Persons on European Security as a Common Project. Available at: <http://www.osce.org/networks/205846> (accessed 25 October 2017).

Pavlova E., Gudalov N., Kotsur G. (2017) “Stressoustojchivost”: novoe slovo v mezhdunarodnyh otnosheniyah ili variaciya na neoliberal’nyu temu? [“Resilience:” A New Word in International Relations or a Variation on a Neoliberal Theme?]. *The Moscow University Herald, Series 25. International Relations and Politics*, no 2, pp. 170–182. (In Russian)

Pawlak P. (2015) Risk and Resilience in Foreign Policy. European Parliamentary Research Service Briefing PE 568.349. Available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/568349/EPRS_BRI\(2015\)568349_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/568349/EPRS_BRI(2015)568349_EN.pdf) (accessed 25 October 2017).

Prasad N., Ranghieri F., Shah F., Trohanis Z., Kessler E., Sinha R. (2009) *Climate Resilient Cities: A Primer on Reducing Vulnerabilities to Disasters*. Washington, DC: World Bank.

Romanova T. (2017) Kategorija “Stressoustojchivost” v Evropejskom Sojuze [The Concept of Resilience in the European Union]. *Contemporary Europe*, no 4, pp. 17–28. (In Russian).

United Nations (UN) Secretary-General (2016a) Secretary-General’s Joint Press Encounter with the High Commissioner for Refugees, 30 March. Available at: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/press-encounter/2016-03-30/secretary-generals-joint-press-encounter-high-commissioner> (accessed 25 October 2017).

United Nations (UN) Secretary-General (2016b) Secretary-General’s Message on Human Rights Day, 10 December. Available at: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2016-12-10/secretary-generals-message-human-rights-day-scroll-down-french> (accessed 25 October 2017).

Shea J. (2016) Resilience: A Core Element of Collective Defence. *2016 NATO Review*. Available at: <http://www.nato.int/docu/review/2016/Also-in-2016/nato-defence-cyber-resilience/EN/index.htm> (accessed 25 October 2017).

Solana H. (1997) Security Through NATO in the 21st Century: Vision to Reality. Opening Remarks, 9 October. Available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_25565.htm?selectedLocale=en (accessed 25 October 2017).

Thomas J. (2016) Resilience: More Than a Quick Fix. Investing in Health: News and Views in Healthy Development World Bank Blog. Available at: <http://blogs.worldbank.org/health/resilience-more-quick-fix> (accessed 25 October 2017).

United Nations (UN) General Assembly (2015) Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. General Assembly Resolution A/RES/70/1. Available at: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (accessed 25 October 2017).

United Nations (UN) Security Council (2014) The Maintenance of International Peace and Security: Security Sector Reform: Challenges and Opportunities. Security Council Resolution S/RES/2151.

United Nations (UN) Security Council (2017) Threats to International Peace and Security Caused by Terrorist Acts. Security Council Resolution S/RES/2341.

Walker J., Cooper M. (2011) Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation. *Security Dialogue*, vol. 4, no 2, pp. 143–160.

World Bank (2015) Big Data for a More Resilient Future. Available at: <http://live.worldbank.org/big-data-for-a-more-resilient-future> (accessed 25 October 2017).

World Bank (2016a) Speech by World Bank President Jim Yong Kim: The World Bank Group’s Mission: To End Extreme Poverty, 3 October. Available at: <http://www.worldbank.org/en/news/speech/2016/10/03/speech-by-world-bank-president-jim-yong-kim-the-world-bank-groups-mission-to-end-extreme-poverty> (accessed 25 October 2017).

World Bank (2016b) Socioeconomic Resilience Multi-Hazard Estimates in 117 Countries. World Bank Policy Research Working Paper 7886.